

и символ начала новой эры Дело основания города, естественно, противопоставлено Вергилием и в самой эпопее и в данных строках войнам и скитаниям в морях, как дело созидания и жизни — нестроению и раздору

Не стоит говорить, что русской традиции такое осмысление петровских начинаний, включая и основание города Санкт-Петербурга, было глубоко чуждо, поскольку военные и морские подвиги Петра рассматривались как самостоятельная ценность, а не как этапы долгого трудного пути, приведшего к созиданию города. Петербург в уже сложившемся каноне прославления дел Петра не выделялся из общего их ряда и, конечно, не рассматривался как венец его деятельности. Особенную бестактность таила в себе опущенная средняя строка «*Vi superum saevae memorem Junonis ob iram*» («Силою высших, вследствие злопамятного гнева Юноны»), по закону цитаты у всех знающих эти начальные строки «Энеиды» она не могла не всплывать в памяти. Ее недостаток постарались скрыть воспроизведением оставшихся стихов без соблюдения стихового деления — как прозы. Все это позволяет сделать вывод, что надпись на картуше не имела, по-видимому, европейского аналога и была плодом изобретения Петербургской академии.

Ломоносов был вынужден переосмыслить предложенный оригинал и преуспел в этом настолько, что до публикации А. А. Морозова в строках первой надписи «К статуе Петра Великого» невозможно было заподозрить классический образец. К полному переосмыслению вергилиевых строк привело разрушение формулы «. . . dum . . .», что лишило надпись высокого смысла и превратило упоминание о войнах, странствиях и строении города в обычный перечень заслуг Петра (правда, здесь, что является некоторым отклонением от канона, основанием города открывается перечень) Второе разрушение уже не имеет никакого идеологического обоснования, но, по-видимому, не совсем случайно. Ломоносов отказывается от звучной анафоры *multa (multum)* (по-русски было бы *много*, и звучит не хуже), заменяя ее маловыразительным *когда*²⁴ Возможно, отказ продиктован соображениями метра *много* (или в худшем случае *долго*) потребовало бы хорей или дактилей, но небезынтересно, что в обоих немецких перево-

²⁴ В русской поэзии формула Вергилия в совершенном ее виде передана Баратынским в «Пироскафе» «Много земель я оставил за мною, Вынес я много смятенной душою < > Много мятежных решил я вопросов, Прежде чем руки марсельских матросов Подняли якорь >» (Баратынский Е. А. Полн собр стихотворений Л., 1957 С 200), и у Баратынского — дактили